

Помогая людям в разрешении трудных жизненных ситуаций, которые ограничивают возможности их социального самоопределения, одновременно социальная работа способствует реализации их неотъемлемых прав. Помощь бедным, безработным, бездомным и другим выступает и как деятельность по реализации прав этих людей на достойную жизнь, на труд, на жилье и т. п.

И, наконец, социальная работа как деятельность по мобилизации ресурсов социальной среды для изменения жизни нуждающихся в помощи людей выступает эффективным механизмом реализации социальной политики государства.

Н. И. Журавлева
Екатеринбург

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О МИФЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

В советской культуре, вписывающейся в основных чертах в просветительскую парадигму с ее культом разума, прогресса и научности, воспроизводился и соответственный взгляд на миф как на архаичную форму мышления, низшую ступень познания мира, исторически изжившую себя. Реконструкция славянской мифологии (Б. А. Рыбаков), семиотический анализ сказки и мифа (В. Я. Пропп), повлиявший на французский структурализм, работы в области истории религии (С. А. Токарев), издание некоторых трудов западных мэтров (Дж. Фрезер, Э. Тайлор) не изменяли мнения о том, что миф, уступивший место науке, остался где-то в прошлом, и совершенно не имеет отношения к современному миру.

Но для русских символистов (А. Белый, Вяч. Иванов) миф не означал чего-то противоположного реальному, а наоборот — указывал на глубочайшую реальность. И хотя за размышлениями отечественных символистов стоит немецкий романтизм, открывший еще в XIX в. миф как самодостаточную поэтическую реальность, в русской версии миф уже не просто поэзия, а сокровенная реальность как таковая, по образу и подобию которой должен быть преобразован дольний, тварный и осязаемый вешний мир. Миф не может быть индивидуальным, он не сводится к феномену человеческого сознания или психологии.

В работах, посвященных советской культуре, общим местом стала мысль о преемственности авангарда и соцреализма (И. Голомшток, Б. Гройс). На первых этапах становления совет-

ской идеологии мифотворчество, создание новой мифологии и через нее нового человека выглядело очень близким революционному пафосу обновления мира. Как известно, нацистские идеологи пытались оживить древний дух германской мифологии, но это была менее успешная попытка по сравнению с советской. В СССР, декларировавшем построение новой культуры, в действительности очень удачно использовались старые мифологемы — в еще не разрушенный мифологический каркас вписывалось новое содержание. Из “реалистического символизма” вырос мифический реализм. Рефлексия над мифом прекратилась, так как в рамках мифической культуры она попросту неосуществима.

Новое видение проблемы мифа стало возможно только тогда, когда мифологические основания советской культуры были подорваны в результате общего кризиса системы. В постсоветский период представления о мифе претерпели существенные изменения — от феномена тоталитарного сознания до необходимого элемента любой и в том числе современной культуры. Постмодернистское прочтение мифа представляет его универсальным явлением, но в то же время десакрализирует. Культурная история человечества предстает таким образом не прогрессивным восхождением к объективному знанию о мире, а лишь сменой одной мифологемы на другую. Таким образом, мифологическая конструкция может быть использована при создании художественного произведения, рекламы, политической кампании и т. д.

Постмодернистское видение мира все больше определяет умонастроение отечественной интеллигенции, что, по-видимому, вызвано не только существующей интеллектуальной модой, но и общекультурными процессами. Столь быстрая “постмодернизация” сознания при невыраженности таких социокультурных черт, как институциональная насыщенность жизни, тотальная кибернетизация и медиализация общества, представляется на первый взгляд загадкой. Как и в случае с марксизмом, идеи западной культуры прорастают на казалось бы недостаточно подготовленной почве. Однако идеологическое потрясение, испытанное страной, дает некоторое объяснение происходящему.

Так, подорван авторитет базовых культурных ценностей, разрушена пространственно-временная модель мира (Россия из сакрального центра превратилась в периферийную страну третьего мира, история утратила характеристики объективного направленного прогрессивного процесса, дискредитировано прошлое и утрачено будущее). Конец истории стал проблемой не

западного постиндустриального общества, а постсоциалистической России. “Миф” стал счастливой находкой современных культурологов, отказавшихся от постижения культуры через ее экономическое основание или описание эмпирических фактов.

В. Н. Усов
Челябинск

К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ СИТУАЦИИ

Как известно, проблема понимания исследуется непосредственно в нескольких философских направлениях. К ним относятся: феноменология, аналитическая философия, философский структурализм и герменевтика. Многие они заимствуют друг у друга, но каждое из них выступает с претензией на особую роль.

В единстве и такой же последовательности, феноменология, аналитическая философия и философский структурализм раскрывают структурный аспект понимания как определенный, — опосредованный языком, — срез отношения человека к миру. Причем, субъективные формы, — феномены понимания, — непосредственно выявляет феноменология. Она обнаруживает их в самой предметности идеальных образов. Роль языка в понимании, как универсального представителя всевозможных средств деятельности и общения, определяет аналитическая философия. В центре ее внимания формирующие определенные образы понятия, их значения и смыслы. Структурализм же заинтересован, прежде всего, в выявлении объективного содержания понимания — в выявлении определенных структур.

В этом отношении понимание конкретной ситуации значит некий целостный образ, слагающийся из совокупности ее предметных образов, фрагмент картины “жизненного мира” субъекта.

Современная герменевтика определяет понимание как способ бытия человека в мире, как длящийся во времени процесс. Причем непосредственным предметом понимания здесь выступает язык. Таким образом, в языке она раскрывает его (понимания) функциональные характеристики. Эти характеристики обнаруживаются ею в диалектике воспроизведения и произведения, репродукции и продукции, традиции и новаторства, завершения и свершения, результата и действия, замкнутости ответов и открытости вопросов, набрасывания проекта (целостного смысла) и применения этого проекта в конкретной си-